

Раков Виктор

23.04.03.

ВИКТОР РАКОВ:

Ждать – это тоже часть профессии

Виктор РАКОВ – сегодня один из немногих артистов, кто не мельтешит на телеэкране и не пускается в пространные откровения о личном в средствах массовой информации. Не то чтобы он вовсе не говорит любопытствующим журналистам о своей семье, но делает это как-то в меру и достойно. Приоритет в его публичных высказываниях неизменно остается за профессией, да и поводом к очередному интервью, как правило, служит новая работа. Он прежде всего актер, чем и интересен.

– Мне всегда сложно абстрагироваться от роли и увидеть себя на экране как некий персонаж. Должно пройти какое-то время, два или три года, чтобы я смог посмотреть картину как зритель.

– Вы так долго отходите от роли? Наверное, плохо спите после спектакля?

– Я? Ну бывает, что не сразу засыпаю, но, в общем, на мою психику это не сильно влияет. Я с большим скептицизмом отношусь к актерским разговорам, что вот он так вжился в роль, что потом в больницу попал. Каждый раз хочется спросить: “А сыграть он не пробовал?” Это же играется все. Проживается, да, но никакого отношения к психиатрии не имеет. А если имеет, то нужно говорить об актерском непрофессионализме. Значит, он ничего не понял в деле, которым занимается. Помню, Олега Табакова в какой-то телевизионной передаче попросили заплакать. Он посидел немножко – и заплакал. Это профессия, и ей учат. То есть меня не учили в институте плакать. Но меня жизнь научила. И Табакова тоже.

Другой вопрос, что сейчас неинтересно, ЧТО ты играешь, сейчас интересно, КАК ты играешь. Только опыты с собственным организмом. Когда актерский организм живой, когда он в состоянии импровизации, когда он ищет выход из предложенной режиссером ситуации... Это, если хотите, часть техники. Но именно таким путем мы сейчас идем в Ленком.

– Многие актеры признаются, что роли влияют на их личность, на вашу, значит, не влияют? Никогда не просачиваются внутрь?

– Я просачиваюсь в роль, а не роль в меня. Потому что я реальный человек, а роль всего лишь написана. На самом деле все есть в каждом из нас, просто надо уметь это вытащить.

– Вопрос часто в том, чтобы потом еще и назад затолкать!

– Ну это же вытаскивается, когда нужно. А когда не нужно, не надо и вытаскивать.

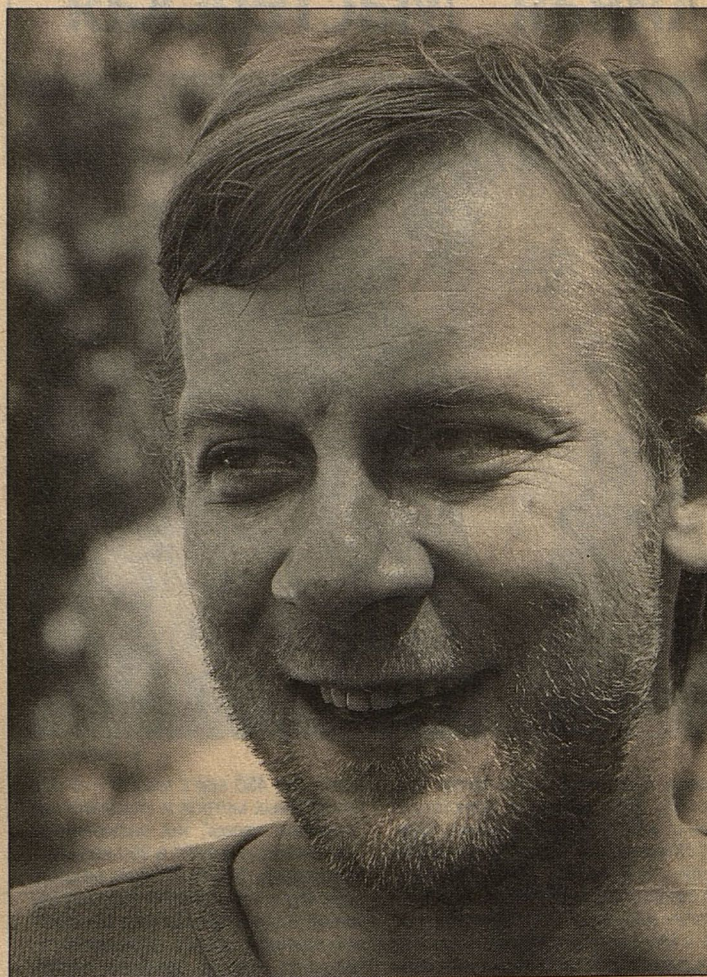
– Подобную закалку трудно получить вне театра. Гибкость актерского аппарата развивается в действии, одно из главных условий которого – непрерывность. Даже в рамках одного спектакля возможны бесконечные изменения. Чего кинематограф актеру предложить не может.

– Да, в театре мы репетируем, узнаем себя, оттачиваем мастерство, а в кино уже используем тот опыт, что накоплен в театре. Кинематограф – это соковыжималка. Там редко бывает, чтобы... Хотя вот с Глебом Панфиловым было. На “Матери” мы до начала съемок собирались на репетиции. И должен вам сказать, что это не было потерянными временем и потом сработало в картине.

– Сегодня актер уже не воспринимается властителем дум. Журналисты чаще спрашивают о том, что он ест на завтрак или где любит отдыхать, чем о профессии. Вы готовы принять эти правила игры?

– Я начну с того, что актеры все равно публичные люди, мы работаем для зрителя. И зрителям интересно узнать, как живут артисты. Интервью – это тоже часть профессии. Нельзя недооценивать СМИ, но и переоценивать, наверное, тоже не надо. Я, по-моему, достаточно рассказывал про личную жизнь. Конечно, необходимо подкреплять все это трудом, новыми картинами. Сняться в одном-двух фильмах (даже если это были хорошие фильмы) и потом всю жизнь тусоваться на разных тусовках... Мне кажется, это не самое интересное занятие.

– Иногда возникает ощущение,

В.Раков

что артисты тусуются непосредственно на голубом экране. Какой телеканал ни включишь, везде они и те же лица. Через какое-то время они начинают просто раздражать.

– Мне понравилось, что по этому поводу недавно сказал Евгений Весник: он находит странным, что, часто снимаясь в многосерийных картинах, некоторые актеры играют самих себя и не играют образ. На мой взгляд, это исключительно вопрос подхода к работе. С одной стороны, самого себя сыграть гораздо проще, с другой

стороны, это очень невыразительно. Мало кому интересно на протяжении многих серий смотреть актера Витто Ракова в предлагаемых обстоятельствах. А вот сделать некий образ уже гораздо интереснее. И для актера, и для зрителя.

– Убедительно “сделать образ” в слабой картине – стоит ли игра свеч? К сожалению, качество подавляющего большинства современных телесериалов, мягко говоря, не особенно высоко.

– И все равно они необходимы: время такое. Старшему поколению

удалось завоевать зрительскую любовь в прежние годы, когда снималось много полнометражных картин. Сейчас и студий осталось мало, и на большие фильмы денег, как правило, нет. Сегодня выгоднее снять многосерийную картину в двадцать серий, которая стоит столько же, сколько одна полнометражная, но длится не два часа, а почти двадцать. Экранное время должно быть заполнено. Чтобы не заполнять его мексиканскими изделиями, показывают наши. И надо сниматься, потому что, в-первых, это профессия. Во-вторых, как иначе заработать популярность? Я сейчас говорю не о себе, а о молодых актерах, которые поступают в театральные институты, учатся там и мечтают о карьере и славе.

– Достаточно сняться всего в одном, но действительно качественном сериале, например в “Бригаде”, – и все будет в ажуре. Тебя все будут знать, и незачем мелькать во всем подряд, лишь бы засветиться.

– До нее надо дожить, до этой “Бригады”, досидеть как-то. А может быть, она и не придет никогда? Хотя ждать – это тоже часть профессии...

Сложный вопрос. Я у Никиты Михалкова, например, не снимался. Ему удается все-таки не останавливаться, он по-прежнему снимает и делает это замечательно. Но я не в его команде. Что же мне теперь, ждать съемок у Михалкова? Или у Панфилова? Нет, я не жду. К счастью, в моей жизни появился Александр Велединский, с которым мы работали на многосерийной картине “Закон” (настаиваю – телевизионной художественной картине!) и сейчас работаем в полнометражном фильме “Русское”.

– Работа в “Законе” на мой взгляд, стоит особняком в ряду того, что вы играли до сих пор. После Крохмалю стало ясно, что вы – трагический актер. Каково соотношение в такого рода ролях ремесла и личного опыта?

– Все зависит от того, какие задачи себе ставить. “Закон” попал на тот период, когда в моей профессиональной жизни происходила переоценка ценностей и открывались новые горизонты. Велединский, кстати,

очень здесь помог. Не то чтобы он специально настраивал или психологические тестирования проводил, нет. Просто ему почему-то веришь, и хочется делать то, чего ты еще не делал.

– И все-таки о соотношении личного опыта и профессионального мастерства...

– Личный опыт – это мои близкие. Я знаю, что такое родное существо. И если бы в моей жизни, не дай Бог, произошло нечто подобное тому, что случилось в жизни Крохмалю, я бы, конечно, надеялся на закон, но не исключено, что взял бы берданку. Я знаю, что такое терять близких, что такое быть на грани потери близких. И знаю, что такое стоять в церкви, молиться и рыдать.

– Внешне вы производите впечатление мягкого и покладистого человека. Но говорят, в тихом омуте черти водятся. Легко ли режисерам с вами работать?

– Ну, это надо у режиссеров спросить!.. Нет, думаю, что я легкий. Хотя у меня есть своя точка зрения, и я могу ее отстаивать, если возникнет необходимость. Но... режиссер же снимает это кино, не я. Режиссер ставит спектакль, а не я. Я – исполнитель. Поэтому должен как минимум то, что просит режиссер, сделать. А если мне нравится картина, то я еще могу что-то и предложить. И, может быть, даже убедить режиссера в том, что так будет лучше.

– Вы являетесь художественным руководителем второго курса актерского факультета в Российской академии театрального искусства. Зачем вам это?

– Мне кажется, что какие-то вещи в актерской профессии я знаю, и готов этим поделиться. К тому же, когда мы начинаем с самых азов, я и сам эту школу еще раз прохожу. И правильно, это нужно время от времени делать. Скажем, в Америке артисты – даже звезды – берут тайм-аут и идут в актерскую школу. Чтобы оставаться квалифицированными профессионалами. Так что это очень полезная штука.

Беседу вел
Вера ЗВЕЗДОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Культура. – 2003. – 17–23 апр. – с. 12